*На правах рукописи*

ГОЛИМБИОВСКАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

# Структурные и функциональные особенности анафонических феноменов в стихотворном тексте

Специальность: 10.02.19 – теория языка

**Автореферат**

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Пермь – 2014

Работа выполнена на кафедре лингвострановедения и коммуникации ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»

| | |
|---|---|
| Научный руководитель | Доктор филологических наук, профессор **Пузырёв Александр Владимирович** (ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет») |
| Официальные оппоненты | **Кушнина Людмила Вениаминовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» |
| | **Башкова Лилия Рафиковна,** кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Пензенская государственная сельскохозяйственная академия» |
| Ведущая организация | ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» |

Защита состоится 3 июля 2014 г. в 11 ч. часов на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета. Автореферат и диссертация размещены на сайте Пермского государственного национального исследовательского университета: http//www.psu.ru, автореферат размещен на официальном сайте ВАК РФ.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Автореферат разослан «____» мая 2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор С. Л. Мишланова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена такому фоносемантическому явлению, как анафония, и её структурным и функциональным особенностям в стихотворной речи. Проблемы звуковой организации текста не раз привлекали внимание лингвистов и филологов (А.А. Леонтьев, А.И. Гербстман, Е.В. Невзглядова, К.К. Барышникова, С.Ф. Занько, Л.А. Андреева, А.А. Евграфова, А.А. Брудный, Л.В. Гинзбург, С.В. Воронин, В. Гумбольдт, Б.П. Гончаров, И.И. Валуйцева, Н.И. Портнова, В.П. Белянин, М.В. Давыдов, Г.Т. Окушева, А. Росетти, М. Граммон, Р. Якобсон, И.В. Мельникова, И.Б. Речкалова, И.Ю. Павловская, М.А. Балаш, Т.М. Николаева, Ю.В. Казарин, С.С. Шляхова и др.).

Известны серьёзные исследования, посвящённые вопросам анаграмм и анафонии (Вяч.Вс. Иванов, В.С. Баевский, А.Д. Кошелев, О.И. Северская, Л.Н. Кучерова, А.В. Пузырёв и др.). Своё отражение в научной литературе получили анаграмматические структуры в стихе (А.В. Пузырёв, О.Г. Гибадуллина), в прозе (Л.Н. Живаева, Н.А. Гирина, Л.Г. Ратушная, Ю.В. Рубайло), в сказках (М.Г. Луннова), в загадках (А.И. Гербстман, В.Н. Топоров, З.М. Волоцкая, Л.В. Свистун, В.В. Янсон, Н.А. Федорова), в пословицах и поговорках (А.В. Пузырёв). Однако проблема анафонии во французской поэзии выпала из поля зрения исследователей, несмотря на то, что вопрос о звуковой организации текста при изучении стихотворной речи является одним из наиболее значимых.

Принимая во внимание постоянный интерес учёных к анаграммам и анафонии, а также недостаточную изученность подобного рода структур на материале больших массивов стихотворных текстов, можно говорить об **актуальности данной работы**.

**Объектом исследования** являются анафонические феномены в стихотворной речи.

**Предметом диссертационного исследования** являются структурные и функциональные свойства анафонических феноменов в стихотворной речи.

**Материалом исследования** послужили произведения франкоязычных поэтов XIX и XX веков, таких как Ш. Азнавур, Г. Аполлинер, Л. Арагон, О. Барбье, П.-Ж. Беранже, Ш. Бодлер, Ж. Брассенс, Ж. Брель, П. Верлен, Э. Верхарн, Т. Готье, В. Гюго, Р. Кено, Ш. Кро, А. Мишо, А. де Мюссе, Ж. Превер, М. Роллина, А. Рэмбо, В. Сегален, Р. Сюлли-Прюдом, А. Френо, Р. Шар, П. Элюар и др.

**Целью** настоящей работы является проведение лингво-филологического анализа анафонии в стихотворном языке.

Цель исследования определила его основные **задачи**:

1) обосновать, насколько универсален и насколько специфичен характер использования анафонических структур (на материале русской и французской стихотворной речи);

2) выявить специфику анафонических феноменов на уровне языковых единиц, текста и языка как системы подсистем (на материале русской и французской стихотворной речи);

3) определить соотношение анафонии и анаграмм в исследуемом материале;

4) сопоставить функциональные возможности анафонических структур в оригинальном и переводном текстах с целью определения инвариантности проявления этих феноменов;

5) выяснить на материале французских произведений степень универсальности фоносемантических явлений (на материале русской и французской стихотворной речи).

Цели и задачи определили **методы исследования**. В работе использованы такие методы лингвистического исследования, как метод интерпретации текста, метод стилистического анализа и описательный метод, метод сплошной выборки и статистический метод обработки материала, метод психолингвистического эксперимента.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Анафония – это объективно существующее явление стихотворной речи, имеющее место в разных языках.
2. Контекстуальная анафония во многом обуславливается строфической характеристикой ключевого элемента конкретного стихотворного текста.
3. Тексты, содержащие анафонические структуры, обладают большей экспрессивностью по сравнению с произведениями, для которых анафоническая организация не характерна.
4. Инвариантный характер анафонических феноменов проявляется в том, что при переводе сохраняются, как правило, и эти феномены, и их прагматические функции.

В основе работы лежит следующая **гипотеза**:

Анафония является одной из характерных черт стихотворного языка. Главными языковыми предпосылками анафонии на уровне текста являются анафония на уровне языковых единиц и наличие в тексте ключевого слова или элемента. Высокая прагматическая нагрузка анафонических структур сохраняется в большинстве переводов.

**Научная новизна** исследования состоит в том, что в нём впервые проведён последовательный анализ анафонии во французской поэзии как на уровне языковых единиц, так и на уровне текста. Впервые в качестве одного из объективных факторов наличия анафонических структур выявлена обычная частотность звуков во французской стихотворной речи.

**Теоретическая значимость** работы заключается в том, что в ней сформулированы и продемонстрированы малоизученные аспекты звуковых повторов во французской поэзии, в частности, критерии и предпосылки наличия анафонии текстового характера на конкретном речевом материале.

**Практическая ценность** диссертации состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в преподавании курсов «Теория

текста», «Лингвистический анализ текста», «Фонетика французского языка», «Стилистика французского языка» и др.

**Достоверность** результатов подтверждается обширностью обработанного материала (для выделения 200 стихотворных текстов с ключевым словом/элементом во французской поэзии было проанализировано 1357 произведений, все стихи с ключевым словом/элементом были проверены на предмет наличия анафонии на уровне текста) и использованием статистических приёмов обработки материала.

**Структура работы.** Текст диссертационного исследования состоит из введения, основной части, включающей в себя три главы, заключения, списка цитируемой литературы, а также приложений.

**Апробация работы.** Основные положения исследования докладывались **в рецензируемых ВАК РФ научных журналах** «Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина» (Санкт-Петербург, 2012), «Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки» (Волгоград, 2012), «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» (Пенза, 2012), «Гуманитарный вектор» (Чита, 2012), а также на научных конференциях «Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Лингвокраеведение» (Ульяновск, 2009), «Язык. Культура. Коммуникация» (Ульяновск, 2011), «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Москва-Ульяновск, 2011, 2012) и на X Международном конгрессе Международного общества по прикладной психолингвистике «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» (Москва, 2013). Содержание диссертационной работы отражено в десяти публикациях.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определяются объект и предмет исследования, указывается материал работы, формулируются цель и задачи диссертации, перечисляются методы исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту, и гипотеза диссертации, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическое и практическое значение работы, а также достоверность диссертационного исследования.

**В Первой главе «Общетеоретические аспекты анафонии в стихотворном тексте»** обосновывается значение изучения анафонических феноменов для теории языка, содержится краткий обзор исследований анаграмматических структур, проводится терминологическое разграничение понятий анаграмма и анафония, рассматривается логическая соотнесённость понятий *тематические, опорные* и *ключевые слова* в тексте. Здесь же даётся понятие об изучении анафонических феноменов на трёх уровнях лингвистического исследования (уровнях языковых единиц, текста и языка как системы подсистем), определяются критерии разных видов анафонии. В этой главе затрагивается проблема инвариантности/вариативности анафонии в оригинальном и переводном текстах и ставится вопрос о сохранности

прагматических свойств анафонических структур стихотворных текстов при переводе.

Изучение анафонических феноменов открывает перед исследователями новые грани таких важных лингвистических вопросов, как соотношение языка и речи, языка и мышления, функции языка. Являясь важным фоносемантическим средством языка, анафония представляет интерес для общей фонетики и семантики. Поскольку проблемы анафонии тесно связаны с вопросом смысла высказывания и его компонентов, к каковым относится не только эксплицитная и имплицитная, но и прагматическая информация, рассмотрение анафонических структур может предоставить новые, разноплановые данные о соотношении семантики и прагматики.

Изучение анафонии имеет непосредственное отношение к проблемам синтаксиса. В частности, интересным представляется вопрос предложения как максимальной синтаксической единицы, поскольку согласно результатам проведенного исследования, именно ключевой элемент, выраженный предложением, озвучивается в стихотворных произведениях чаще всего.

Пристальное внимание к анафонии имеет особое значение для психолингвистики, так как у анафонических структур имеются конкретные психофизиологические и психологические предпосылки. Помимо прочего, анализ анафонических структур может сделать существенный вклад в вопрос учения о доминанте А.А. Ухтомского.

Анафония, как многогранное языковое явление, способно обогатить представления ученых о современной социолингвистике. На примере анафонических структур представляется возможным рассмотрение проблемы вариативности языка и ее связи с социальной вариативностью. Таким образом, есть все основания утверждать, что анафония выступает одним из интереснейших направлений теоретической лингвистики.

Рассматривая анафонию, подобно любому другому речевому материалу, на трёх уровнях исследования (см. А.И. Горшков), возникает вопрос, каким образом разграничение трёх типов анафонических феноменов соотносится с разграничением тематических, опорных и ключевых слов? Очевидно, что тематические и опорные слова могут характеризовать любой уровень лингвистического исследования, а ключевые слова должны быть отнесены к уровню текста, так как реализуют особый композиционный приём: $КС_1$ – $Рт$ – $КС_n$, где $КС_1$ – первое употребление ключевого слова, $Рт$ – развитие темы, $КС_n$ – последнее употребление ключевого слова, обогащённого новым поэтическим смыслом.

Под анафонией на уровне языка как системы подсистем подразумеваются языковые формулы воспроизводимого характера, как, например, русские дразнилки «Антошка-картошка, соломенная ножка», «Стёпа – растрёпа!», «Миронушка, Мирон – полна пазуха ворон» или французские пословицы «D'Angleterre ne vient ni bon vent ni bonne guerre», «À Paris ils ont chers les prix» и др.

Анафонию общеязыкового характера довольно часто путают с фонетической гармонией, где звуковая организация не направлена на

воспроизведение звуков слова-темы, а имена собственные выступают в подчинённой роли. Например, «Каждая Алёнка хвалит свою бурёнку», «Мели, Емеля, твоя неделя», «Богат Ермошка: завел кота да кошку», «Que veux-tu qu'on y fasse, Boniface?», «Il n'y a pas de roses sans épines, n'est-ce pas Joséphine?», «Tranquille, Basile», «Et Félicie...aussi!» и др.

Анафония на уровне языковых единиц представляет собой звуковое окружение слова-темы. В качестве критериев её наличия в тексте можно назвать присутствие опорного слова и звуковых повторов к нему в пределах двенадцати слогов. На данном уровне выделяются следующие звуковые повторы:

– Повтор одного согласного: «De **l**a cour Dieu garde **L**isette!» (P-J. de Béranger «La vertu de Lisette»), «**B**on pour la gnôle à l'au**b**e et l'angoisse au créneau» (L. Aragon «La valse des vingt ans»);

– Тройное употребление согласного: «Honneur au **f**ou qui **f**erait **f**aire» (P-J. de Béranger «Les fous»), «La route où **qu**el**qu**'un **c**ourt en**c**ore» (J.Prévert «Le message»);

– Повтор(ы) гласного: «Six pieds sous terre J**o**j**o** tu chantes enc**o**re» (J.Brel «Jojo»), «Ils me disent que t**u** es br**u**ne» (P.Verlaine «Chanson pour elles»);

– Звукопись: «O S**atan**, pr**en**ds pi**t**ié de m**a** longue misère!» (Ch.Baudelaire «Les litanies de Satan»), «Dressé par la famine/ L'**en**f**an**t répond tou**j**ours **j**e m**ang**e» (P.Eluard «Dressé par la famine»);

– Повтор дифона: «Puisque le ty**ran** est à bas,/ Laissez-nous p**ren**dre nos ébats» (P-J. de Béranger «Requête par les chiens de qualité»), «**Ra**ppelle-toi Barba**ra**/ Il pleuvait sans cesse sur Brest ce jour-là» (J.Prévert «Barbara»);

– Повтор полифона: «Tous, ils ont dû des rêves à ses **char**mes:/ Ah! faisons-lui la **char**ité» (P-J. de Béranger «La pauvre femme»), «Et scruté par les yeux des **trei**ze grands por**trai**ts» (M.Rollinat «La bibliothèque»);

– Фономорфологические повторы (повторы однокоренных слов, одинаковых морфем и т.д.): «Un **vigne**ron chantait courbé dans sa **vigne**» (G.Apollinaire «Le vigneron champenois»), «**Chass**e le czar, **chass**e l'Autriche,/ Ô **Chass**eur Noir!» (V.Hugo «Le chasseur noir»);

– Созвучия внутри строки («внутренняя рифма»): «Ma **pensée** est une **insensée**» (Ch.Cros «Ecole buissonnière»), «Puis les **bonbons** c'est tellement **bon**» (J.Brel «Les bonbons») – горизонтальные созвучия.

Вертикальные созвучия:

En un **temps** de misères
Roger **Bontemps** est né.

(P-J. de Béranger «Roger Bontemps»),

Tes **yeux** rendent jaloux le ciel d'après la pluie
Le verre n'est jamais si **bleu** qu'à sa brisure

(L. Aragon «Les yeux d'Elsa»),

– **анафонические рифмы**:

Faut-il bénir mon lit de m**ousse**,
Du château payons l'aumônier."
Dieu, veillez sur Jeanne la R**ousse**:

On a surpris le braconnier.
(P-J. de Béranger «Jeanne la Rousse»),
«Dis-moi donc quelque ch**ose** !
Les oiseaux sont plus **gais**
Gazouillant a la r**ose**,
Becquetant les mu**guets**.
(Ch.Cros «Roses et Muguets»).

Что же касается доказательства факта анафонических феноменов текстового характера, тут требуется не просто наличие слова-темы, но именно ключевого слова или же элемента, главной характеристикой которого является семантико-стилистическая многослойность, приобретённая в процессе внутреннего развития текста, а также звуковая перекличка всего стихотворного произведения с этим словом или элементом. Таким образом, чтобы подтвердить присутствие текстовой анафонии необходимо, прежде всего, выделить ключевой элемент, а затем установить, превышают ли его звуки речевой фон.

Чтобы выявить обычную частотность звуков во французской поэзии, нами было затранскрибировано двадцать тысяч звуков (четыре отрезка по пять тысяч звуков Пьера Жана Беранже, Поля Верлена, Гийома Аполлинера и Луи Арагона). Затем мы произвели подсчёт частоты встречаемости каждого звука у каждого поэта и определили среднюю частотность звуков во французской поэзии. Результаты представлены в таблицах 1 и 2 (жирным шрифтом выделены звуки, расхождение в частотности которых можно считать существенным).

Выбор звука как субстанции речевого фона обусловлен тем фактом, что графическое обозначение звуков во французском языке существенно отличается от графического обозначения букв. Подобный подход также даёт возможность обеспечить преемственность настоящей работы от научных поисков Фердинанда де Соссюра.

Таблица 1

**Частотность согласных во франкоязычной поэзии**

| **Звуки** | **Беранже** | | **Верлен** | | **Аполлинер** | | **Арагон** | | **Всего** | | **$\chi^2$** |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Согласные | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | знак |
| [p] | 140 | 2,8 | 145 | 2,9 | 128 | 2,56 | 148 | 2,96 | 561 | 2,805 | + |
| **[b]** | **145** | **2,9** | **84** | **1,68** | **81** | **1,62** | **66** | **1,32** | **376** | **1,88** | **–** |
| **[t]** | **288** | **5,76** | **229** | **4,58** | **255** | **5,1** | **189** | **3,78** | **961** | **4,805** | **–** |
| [d] | 238 | 4,76 | 190 | 3,8 | 193 | 3,86 | 206 | 4,12 | 827 | 4,135 | + |
| [k] | 151 | 3,02 | 194 | 3,88 | 169 | 3,38 | 195 | 3,9 | 709 | 3,545 | + |
| **[g]** | **20** | **0,4** | **33** | **0,66** | **49** | **0,98** | **19** | **0,38** | **121** | **0,605** | **–** |
| [f] | 77 | 1,54 | 85 | 1,7 | 70 | 1,4 | 87 | 1,74 | 319 | 1,595 | + |
| **[v]** | **121** | **2,42** | **127** | **2,54** | **115** | **2,3** | **68** | **1,36** | **431** | **2,155** | **–** |
| **[s]** | **185** | **3,7** | **284** | **5,68** | **255** | **5,1** | **259** | **5,18** | **983** | **4,915** | **–** |

Продолжение таблицы 1

| **Звуки** | **Беранже** | | **Верлен** | | **Аполлинер** | | **Арагон** | | **Всего** | | **$\chi^2$** |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Соглас-ные | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | знак |
| [z] | 75 | 1,5 | 72 | 1,44 | 84 | 1,68 | 62 | 1,24 | 293 | 1,465 | + |
| [ʃ] | 37 | 0,74 | 46 | 0,92 | 34 | 0,68 | 29 | 0,58 | 146 | 0,73 | + |
| **[ʒ]** | **100** | **2** | **53** | **1,06** | **81** | **1,62** | **68** | **1,36** | **302** | **1,51** | – |
| [m] | 169 | 3,38 | 168 | 3,36 | 172 | 3,44 | 186 | 3,72 | 695 | 3,475 | + |
| **[n]** | **114** | **2,28** | **110** | **2,2** | **157** | **3,14** | **138** | **2,76** | **519** | **2,595** | – |
| **[l]** | **267** | **5,34** | **356** | **7,12** | **405** | **8,1** | **391** | **7,82** | **1419** | **7,095** | – |
| **[r]** | **514** | **10,28** | **443** | **8,86** | **340** | **6,8** | **459** | **9,18** | **1756** | **8,78** | – |
| [ŋ] | 8 | 0,16 | 3 | 0,06 | 12 | 0,24 | 5 | 0,1 | 28 | 0,14 | + |
| [j] | 100 | 2 | 90 | 1,8 | 78 | 1,56 | 86 | 1,72 | 354 | 1,77 | + |
| **[w]** | **62** | **1,24** | **64** | **1,28** | **36** | **0,72** | **68** | **1,36** | **230** | **1,15** | – |
| [ɥ] | 25 | 0,5 | 25 | 0,5 | 21 | 0,42 | 40 | 0,8 | 111 | 0,555 | + |
| Итого | 2836 | 56,72 | 2801 | 56,02 | 2735 | 54,7 | 2769 | 55,38 | 11141 | 55,705 | + |

Таблица 2

**Частотность гласных во франкоязычной поэзии**

| **Звуки** | **Беранже** | | **Верлен** | | **Аполлинер** | | **Арагон** | | **Всего** | | **$\chi^2$** |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Глас-ные | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | Кол-во | % | знак |
| **[i]** | **196** | **3,92** | **230** | **4,6** | **231** | **4,62** | **279** | **5,58** | **936** | **4,68** | – |
| [e] | 169 | 3,38 | 196 | 3,92 | 196 | 3,92 | 167 | 3,34 | 728 | 3,64 | + |
| **[ɛ]** | **237** | **4,74** | **306** | **6,12** | **351** | **7,02** | **291** | **5,82** | **1185** | **5,925** | – |
| **[a]** | **240** | **4,8** | **294** | **5,88** | **289** | **5,78** | **304** | **6,08** | **1127** | **5,635** | – |
| **[y]** | **58** | **1,16** | **91** | **1,82** | **90** | **1,8** | **80** | **1,6** | **319** | **1,595** | – |
| [ø] | 50 | 1 | 28 | 0,56 | 33 | 0,66 | 34 | 0,68 | 145 | 0,725 | + |
| [œ] | 41 | 0,82 | 56 | 1,12 | 49 | 0,98 | 49 | 0,98 | 195 | 0,975 | + |
| **[ə]** | **260** | **5,2** | **306** | **6,12** | **316** | **6,32** | **345** | **6,9** | **1227** | **6,135** | – |
| **[ɑ]** | **48** | **0,96** | **47** | **0,94** | **28** | **0,56** | **66** | **1,32** | **189** | **0,945** | – |
| **[ɔ]** | **106** | **2,12** | **105** | **2,1** | **122** | **2,44** | **70** | **1,4** | **403** | **2,015** | – |
| [o] | 65 | 1,3 | 76 | 1,52 | 86 | 1,72 | 87 | 1,74 | 314 | 1,57 | + |
| **[ɑ̃]** | **250** | **5** | **164** | **3,28** | **189** | **3,78** | **128** | **2,56** | **731** | **3,655** | – |
| **[ɔ̃]** | **95** | **1,9** | **66** | **1,32** | **87** | **1,74** | **109** | **2,18** | **357** | **1,785** | – |
| [ɛ̃] | 65 | 1,3 | 68 | 1,36 | 52 | 1,04 | 52 | 1,04 | 237 | 1,185 | + |
| [œ̃] | 24 | 0,48 | 37 | 0,74 | 35 | 0,7 | 40 | 0,8 | 136 | 0,68 | + |
| **[u]** | **260** | **5,2** | **129** | **2,58** | **111** | **2,22** | **130** | **2,6** | **630** | **3,15** | – |
| Итого | 2164 | 43,28 | 2199 | 43,98 | 2265 | 45,3 | 2231 | 44,62 | 8859 | 44,295 | + |

Процесс анализа стихотворного текста на предмет наличия в нём анафонии текстового характера выглядит следующим образом:

| | |
|---|---|
| LE FOSSOYEUR | **Могильщик** |
| Dieu sait qu’ je n'ai pas le fond méchant | Господь свидетель, я в душе совсем не злой- |
| Qu’ je ne souhait’ jamais la mort des gens; | Пусть вас Костлявая обходит стороной! |
| Mais si l'on ne mourait plus | Пусть всем вам даст бессмертье Бог, |
| J’ crèv’rais d’ faim sur mon talus | Но я бы с голоду подох. |
| **J’ suis un pauvre fossoyeur.** | **Что делать? Я могильщик бедный.** |
| Les vivants croient que j’ n'ai pas de remords | Все думают, что я бессовестный злодей, |
| A gagner mon pain sur l’ dos des morts. | Ведь, дескать, я живу за счет чужих смертей, |
| Mais ça m’ tracasse et d'ailleurs | Но, яму роя, каждый раз |
| J’ les enterre à contre-coeur | Мне жалко каждого из вас. |
| **J’ suis un pauvre fossoyeur.** | **Что делать? Я могильщик бедный.** |
| J'ai beau m’ dir’ que rien n'est éternel | Твержу, что смерть – закон и все пред ним равны, |
| J’ peux pas trouver ça tout naturel | Но ведь покойникам законы не нужны. |
| Et jamais je ne parviens, | Никак со смертью не смирюсь, |
| A prendr’ la mort comme ell’ vient | Хоть за лопату я берусь. |
| **J’ suis un pauvre fossoyeur.** | **Что делать? Я могильщик бедный.** |
| Et plus j’ lâch’ la bride à mon émoi | И если по щеке покатится слеза, |
| Et plus les copains s'amus’nt de moi | Приятели мои смеются мне в глаза: |
| I’ m’ dis’nt: "Mon vieux par moments | «Старик, средь мертвых ты живешь |
| T'as un’ figur’ d'enterr’ment" | И сам на мертвеца похож». |
| **J’ suis un pauvre fossoyeur.** | **Что делать? Я могильщик бедный.** |
| | Был человек – и нет…Покойничек, прощай! |
| Ni vu ni connu, brav’ mort adieu! | И коль из-под земли увидишь божий рай, |
| Si du fond d’ la terre on voit l’ Bon Dieu | Скажи творцу, что мне опять |
| Dis-lui l’ mal que m'a coûté | Не в радость ямы здесь копать. |
| La dernière pelletée, | **Что делать? Я могильщик бедный.** |
| **J’ suis un pauvre fossoyeur.** | |
| G.Brassens | Пер. Ю Денисова |

Ключевым элементом в данном произведении является стихотворная строка *J’ suis un pauvre fossoyeur – Что делать? Я могильщик бедный*, которая с каждой строфой приобретает новый смысл. В первой строфе герой

стихотворения всего лишь сообщает, что таков его способ зарабатывания на жизнь, и хоть эта работа не из лучших, но без неё ему нечего бы было есть: *Mais si l'on ne mourait plus/ J' crèv'rais d' faim sur mon talus/ J' suis un pauvre fossoyeur. – Пусть всем вам даст бессмертье Бог,/Но я бы с голоду подох./Что делать? Я могильщик бедный.* Слово *pauvre – бедный* употребляется здесь в своём первом словарном значении – неимущий (С.И. Ожегов).

Во второй строфе герой начинает оправдываться: *J' les enterre à contre-coeur/ J' suis un pauvre fossoyeur. – Но, яму роя, каждый раз/Мне жалко каждого из вас./Что делать? Я могильщик бедный….* Чувствуется неловкость героя за своё «ремесло». Из следующих двух строф становится ясно, насколько тяжела для могильщика его работа: *Et jamais je ne parviens,/ A prendr' la mort comme ell' vient- Никак со смертью не смирюсь,/ Хоть за лопату я берусь.; I' m' dis'nt: "Mon vieux par moments/ T'as un' figur' d'enterr'ment"/ J' suis un pauvre fossoyeur. - "Старик, средь мёртвых ты живёшь/ И сам на мертвеца похож»./ Что делать? Я могильщик бедный….* Слово *pauvre – бедный* приобретает в этом контексте новый смысловой оттенок – несчастный, жалкий. Становится понятно, что могильщик переживает каждые похороны, как похороны кого-то из близких, и находится на грани срыва, он больше не может и не хочет этим заниматься. Он бедный, несчастный и обречённый, обречённый страдать.

В заключительной строфе не зная, как ему быть, могильщик обращается к богу: *Si du fond d' la terre on voit l' Bon Dieu/Dis-lui l' mal que m'a coûté/La dernière pelletée,/ J' suis un pauvre fossoyeur. – Скажи творцу, что мне опять/ Не в радость ямы здесь копать./ Что делать? Я могильщик бедный….* Последнее употребление ключевого элемента демонстрирует крайнюю степень отчаяния героя, скорее даже, смирение со своей участью. Могильщик понимает, что даже бог ему не поможет, он не просит у него помощи, а просто хочет, чтобы он узнал, насколько тяжело хоронить каждый день людей.

Таким образом, последняя строка строф песни Брассенса приобретает семантико-стилистическую вариативность, следовательно, является ключевым элементом текста, а значит, выполняется первое условие определения анафонии текстового характера. Далее необходимо определить, превышают ли звуки ключевого элемента речевой фон, и подтвердить, либо опровергнуть наличие анафонии в тексте.

Таблица 3

**Количество звуков ключевого элемента в стихотворении Жоржа Брассенса «Le Fossoyeur» («Могильщик»)**

| № строки | Звуков всего | f | s | w | j | r | o | a | œ |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 20 | 1 | 1 | | 1 | | | | |
| 2 | 21 | | 1 | 1 | | 1 | | 2 | |
| 3 | 15 | | 1 | | | 1 | | | |
| 4 | 19 | 1 | 1 | | | 3 | | 1 | |

Продолжение таблицы 3

| № строки | Звуков всего | f | s | w | j | r | o | a | œ |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 5 | 19 | 1 | 2 | 1 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| 6 | 24 | | | 1 | | 3 | | | |
| 7 | 20 | | 1 | | | 2 | 1 | 2 | |
| 8 | 17 | | 2 | | 1 | 2 | | 4 | 1 |
| 9 | 17 | | | | | 3 | | 1 | 1 |
| 10 | 19 | 1 | 2 | 1 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| 11 | 23 | | | | 1 | 3 | 1 | | |
| 12 | 21 | | 1 | | | 2 | | 2 | |
| 13 | 15 | | | | 1 | 1 | | 2 | |
| 14 | 19 | | | | 1 | 3 | | 2 | |
| 15 | 19 | 1 | 2 | 1 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| 16 | 22 | | | 1 | | 1 | | 3 | |
| 17 | 20 | | 1 | 1 | | | | 2 | |
| 18 | 17 | | | | 1 | 1 | | 1 | |
| 19 | 16 | 1 | | | | 2 | | 1 | |
| 20 | 19 | 1 | 2 | 1 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| 21 | 21 | | | | 1 | 2 | | 2 | |
| 22 | 22 | 1 | 1 | 1 | 1 | 1 | | 2 | |
| 23 | 17 | | | | | | | 2 | |
| 24 | 16 | | | | 1 | 2 | | 1 | |
| 25 | 19 | 1 | 2 | 1 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| | Итого: 477 | 9 | 20 | 10 | 14 | 43 | 12 | 35 | 7 |

$F_n$= 1,595%
$F_t$= 9·100:477= 1,89 %
$F_t : F_n$ = 1,89:1,595= 1,18
Текстовая распространенность звука [f] незначительно превышает норму.

$S_n$= 4,915%
$S_t$= 20·100:477= 4,193%
$S_t : S_n$ = 4,193:4,915= 0,85
Текстовая распространенность звука [s] меньше нормы.

$W_n$= 1,15%
$W_t$= 10·100:477= 2,096%
$W_t : W_n$ = 2,096:1,15= 1,8
Текстовая распространенность звука [w] превышает норму в **1,8** раза.

$J_n$= 1,77%
$J_t$= 14·100:477= 2,935 %

$J_t : J_n = 2,935:1,77= 1,66$
Текстовая распространенность звука [j] превышает норму в **1,66** раза.

$R_n= 8,78\%$
$R_t= 43\cdot100:477= 9,015\%$
$R_t : R_n = 9,015:8,78= 1,03$
Текстовая распространенность звука [r] незначительно превышает норму.

$O_n= 1,57\%$
$O_t= 12\cdot100:477= 2,52\%$
$O_t : O_n= 2,52:1,57= 1,6$
Текстовая распространенность звука [o] превышает норму в **1,6** раза.

$A_n= 5,635\%$
$A_t= 35\cdot100:477= 7,34\%$
$A_t : A_n= 7,34:5,635= 1,3$
Текстовая распространенность звука [a] незначительно превышает норму.

$œ_n= 0,975\ \%$
$œ_t= 7\cdot100:477= 1,47\%$
$œ_t : œ_n = 1,47:0,975 = 1,5$
Текстовая распространенность звука [œ] превышает норму в **1,5** раза.

Текстовая распространённость звуков [w], [j], [o], [œ] существенно превышает норму, что говорит о наличии анафонии текстового характера.

Важным моментом, затронутым в первой главе, является значение вопросов анафонических феноменов в рамках такой проблемы, как перевод. Ввиду того, что глубинная информация стихотворного текста отражается в единицах любого уровня, учитывая огромный фоносемантический и фонопрагматический потенциал анафонических структур, становится очевидным, что при переводе особое внимание следует уделять фоносемантическим средствам оригинала и их передаче с одного языка на другой.

**Во Второй главе «Структурные (конкретно-научные) аспекты анафонии в стихотворной речи»** внимание сосредоточено на анафонии текстового характера.

В ходе исследования удалось установить, что анафония является характерной чертой французских стихотворных текстов XIX-XX веков. При этом 77,5% текстов с ключевым элементом разной строфической организации характеризуются наличием анафонических структур (см. таблицы 4 и 5). Это, в свою очередь, говорит о том, что ключевой элемент является ещё одной предпосылкой существования анафонии на уровне текста.

Таблица 4

**Количество стихов с текстовой анафонией в исследуемом материале**

| Общее кол-во исслед-х стих. | Кол-во стих. с КЭ | % | Кол-во стих. с текст-ой анаф. | % |
|---|---|---|---|---|
| 1357 | 200 | 100 | 155 | **77,5** |

Таблица 5

**Количество стихов с разной строфической организацией, содержащих анафонию на уровне текста**

| Всего стих. с текст-ой анаф. | | Ключевое слово | | Часть стих-й строки | | Стих-я строка | | Часть строфы | | Строфа | | Неопр. в строф. отн-и | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| К-во | % | К-во | % | К-во | % | К-во | % | К-во | % | К-во | % | К-во | % |
| 155 | 100 | 6 | 3,9 | 23 | 14,8 | 43 | 27,7 | 34 | 21,9 | 28 | 18,1 | 21 | 13,6 |

КЭ в стихотворных текстах может быть представлен:

− **словом:** *Les fous* (P-J.Béranger), *Le vigneron champenois* (G.Apollinaire), *La valse des vingt ans* (L.Aragon), *Pour faire le portrait d' un oiseau* (J.Prévert) и др;

− **частью строки**: *Couvre-feu* (P.Eluard), *Adieu* (P-J.Béranger), *Abel et Caïn* (Ch. Baudelaire), *Les yeux d'Elsa* (L.Aragon), *Légende de Gabriel Péri* (L.Aragon), *J'ai bâti l'idéale maison* (A. Frénaud), *Il faut savoir* (Ch.Aznavour), *La bibliothèque* (M.Rollinat) и др.;

− **строкой**: *Le monde est méchant* (Th. Gautier), *Les rossignols* (P-J.Béranger), *Les infiniment petits ou la gérontocratie* (P-J.Béranger), *Les litanies de Satan* (Ch. Baudelaire), *Streets* (P.Verlaine), *Les Horloges* (E**.**Verhaeren), *Il n'y a pas d'amour heureux* (L.Aragon), *Je suis heureuse* (J.Prévert), *Les bonbons* (J.Brel), *Le fossoyeur (G.Brassens), L'épave* (G.Brassens), и др.;

− **частью строфы**: *Ce n'est plus Lisette* (P-J.Béranger), *Requête par les chiens de qualité* (P-J.Béranger), *Le chapelet du bonhomme* (P-J.Béranger), *Le chasseur noir* (V.Hugo), *Le suicidé* (G.Apollinaire), *Le propriétaire* (Ch.Cros), *Roses et Muguets. RONDE* (Ch.Cros), *Hier encore* (Ch.Aznavour), *Bonhomme* (G.Brassens), *Le pendu* (J.Brel) и др.;

− **строфой**: Les deux fauteuils (J.Brel), *Nouvel ordre du jour* (P-J.Béranger), *Sérénade* (P.Verlaine), *Le Pont Mirabeau* (G.Apollinaire), Les yeux (R-F. Sully- Prudhomme), *Ballade de celui qui chanta dans les supplices* (L.Aragon), *La bohème* (Ch.Aznavour), *Les lilas* (G.Brassens), *Pauvre Martin* (G.Brassens) и др.

Среди текстов с анафонией, где **ключевой элемент не определён в строфическом отношении,** стоит назвать: *La rose et le réséda* (L.Aragon), *À toi mon amour* (J.Prévert), *Le bouquet* (J.Prévert), *Familiale* (J.Prévert), *Madeleine* (J.Brel), *La valse à mille temps* (J.Brel) и др.

**В Третьей главе «Функциональные свойства анафонических феноменов в оригинальном и переводном текстах»** были рассмотрены функции анафонических структур, а также вопрос о степени их сохранения при переводе.

Анафонические феномены в стихотворной речи могут выполнять основные и специфические функции. К первым относят эмотивную, воздействующую, гносеологическую и эстетическую функции. Ко вторым – выделительную, организующую и защитную функции.

Рассматривая проблему сохранения анафонии при переводе, было установлено, что ввиду разницы систем стихосложения, структур, а также фоносемантических акцентов французского и русского языков сделать перевод, точно копирующий источник как по форме, так и по содержанию, невозможно. Однако, в ходе проделанной работы удалось доказать, что анафонические феномены могут присутствовать и в оригинальном произведении, и в его переводе:

Повтор одного согласного: *Bonho**m**me qui va **m**ourir/ De mort naturelle* (G. Brassens «Bonhomme») – *По**м**ирает **м**ужичок/ Старческою с**м**ертью* (Пер. А. Аванесова).

Тройное употребление согласного: *ni de toi ni de **m**oi dans **m**a **m**aison* (A. Frénaud «J'ai bâti l'idéale maison») – *и без тебя, и без **м**еня, **м**ой до**м*** (Пер. М.Кудинова).

Повтор гласного звука: *N**ou**s l'avons c**ou**rue* (V. Segalen «Du bout du sabre») – *Мы **и**х прошл**и*** (Пер. В. Ковового).

Звукопись: *Voyez comme ils font les gros dos,/ **C**es b**eau**x mes**s**ieurs l**es** **es**carg**o**ts* (P-J. de Béranger «Les escargots») – *О, как чванливы, как жирны/ Вы, **с**лиз**н**яки моей **с**тра**н**ы!* (Пер. Вс. Рождественского).

Дифон: *Chapeau bas! chapeau bas!/Gloi[w**a**]**r**e au m**ar**quis de C**ar**abas!* (P-J. de Béranger «Le marquis de Carabas») – *Встречай владыку, голытьба!/ У**ра**, **мар**киз де К**ара**ба!* (Пер. В. Левика).

Внутренняя рифма: *Dans le **noir**, dans le **soir** sera sa **mémoire*** (H. Michaux «Qu'il repose en révolte») – *В **беспросветном** в **ночном** будет память о **нём*** (Пер. В. Козового).

Анафоническая рифма:

Je vous le dis, en vé**rité**:
Sauvez-vous par la cha**rité**.
(P-J. de Béranger «Les deux sœurs de charité»),

Чтобы спасала вновь и вн**овь**
Сердца любовь - одна люб**овь**!
(Пер. Вс. Рождественского);

Возможно сохранение анафонии и на уровне текста:

| **Les Horloges** | **Часы** |
|---|---|
| La nuit, dans le silence en noir de nos demeures, | Ночью, в молчании черном, где тени бесшумные бродят, |
| Béquilles et bâtons qui se cognent, là-bas ; | Стук костыля, деревянной ноги. |
| Montant et dévalant les escaliers des | Это по лестнице времени всходят и сходят |

heures,
**Les horloges, avec leurs pas ;**

Émaux naïfs derrière un verre,
emblèmes
Et fleurs d'antan, chiffres maigres et vieux ;
Lunes des corridors vides et blêmes,
**Les horloges, avec leurs yeux ;**

Sons morts, notes de plomb, marteaux et limes,
Boutique en bois de mots sournois,
Et le babil des secondes minimes,
**Les horloges, avec leurs voix ;**

Gaines de chêne et bornes d'ombre,
Cercueils scellés dans le mur froid,
Vieux os du temps que grignote le nombre,
**Les horloges et leur effroi ;**

**Les horloges**
Volontaires et vigilantes,
Pareilles aux vieilles servantes
Tapant de leurs sabots ou glissant sur leurs bas,
Les horloges que j'interroge
Serrent ma peur en leur compas.

E.Verhaeren

**Часы, это их шаги!**

Вокруг устарелых эмблем и наивных узоров
Цифр под стеклом утомительный ряд.
О луны угрюмых, пустых коридоров:
**Часы и их взгляд!**

Деревянный киоск роковых откровений,
Взвизги напилка, и стук молотков,
И младенческий лепет мгновений, -
**Часы и их зов!**

Гроба, что повешены всюду на стены,
Склепы цепей и скелетов стальных,
Где кости стучат, возвещая нам числа и смены…
**Часы и весь ужас их!**

**Часы!**
Неутомимы, бессонны,
Вы стучите ногами служанок в больших башмаках,
Вы скользите шагами больничных сиделок.

Напрасно вас молит мой голос смущенный.
Вы сдавили мой страх
Циркулем ваших безжалостных стрелок.

Перевод В. Брюсова

В тексте перевода сохраняется КЭ – строка: *Les horloges, avec leurs pas – Часы, это их шаги!, Les horloges, avec leurs yeux – Часы и их взгляд!, Les horloges, avec leurs voix – Часы и их зов!, Les horloges et leur effroi – Часы и весь ужас их!* В стихотворении, написанном в свойственной Верхарну манере «законченного пессимизма», отражается болезненное восприятие поэтом действительности. Реальность для Верхарна кошмарна, даже в обычных часах он видит знаки смерти, палача, который отнимает минута за минутой человеческие жизни. В первой строфе стук часов у поэта ассоциируется со «стуком костыля» в тишине «пустых коридоров», затем шум нарастает, и становится слышно «взвизги напилка», «стук молотков»,

стук костей, башмаков. Создаётся впечатление, что вместе с этим стуком учащённо бьётся и сердце самого Верхарна.

Таким образом, к концу текста КЭ приобретает индивидуальный авторский смысл, и становится понятно его отношение не только к часам, но и ко всей окружающей действительности. Семантико-стилистическая и формально-языковая вариативность КЭ прекрасно переданы в тексте перевода. Остаётся рассмотреть вопрос о превышении частотностью звуков КЭ речевого фона. Во французском варианте частотность трёх звуков выходит за рамки нормы:

$Z_n$= 1,465%
$Z_t$= 16·100:454= 3,52%
$Z_t : Z_n$ = 3,52:1,465= 2,4
Текстовая распространенность звука [z] превышает норму в **2,4** раза.

$ɔ_n$= 2,015%

$ɔ_t$= 22·100:454= 4,85%

$ɔ_t : ɔ_n$ = 4,85:2,015= 2,4

Текстовая распространенность звука [ɔ] превышает норму в **2,4** раза.

$œ_n$= 0,975 %

$œ_t$= 12·100:454= 2,643%

$œ_t : œ_n$ = 2,643:0,975= 2,7
Текстовая распространенность звука [œ] превышает норму в **2,7** раза.

В русском варианте это четыре звука:
$Ч_n$= 1,179%
$Ч_t$= 13·100:590= 2,2%
$Ч_t : Ч_n$= 2,2:1,179= 1,87
Текстовая распространенность звука [ч] превышает норму в **1,87** раза.

$X_n$= 1,008 %
$X_t$= 18·100:590= 3,05%
$X_t : X_n$= 3,05:0,968= 3,03
Текстовая распространенность звука [х] превышает норму в **3,03** раза.

$Ы_n$= 1,128%
$Ы_t$= 27·100:590= 4,58%
$Ы_t : Ы_n$= 4,58:1,128= 4,06
Текстовая распространенность звука [ы] превышает норму в **4,06** раза.

$И_n$= 1,880%
$И_t$= 28·100:590= 4,746%

$И_t : И_n = 4,746:1,880 = 2,52$

Текстовая распространенность звука [и] превышает норму в **2,52** раза.

Анализ подтверждает предположение о том, что сохранение функциональных возможностей анафонических структур при переводе стихотворных произведений с одного языка на другой вполне достижимо.

Для того, чтобы доказать гипотезу, согласно которой тексты, построенные по принципу анафонии, как во французском, так и в русском языке воспринимаются как более экспрессивные, был проведён психолингвистический эксперимент.

Материалом для проведения эксперимента послужили следующие произведения: «L'aveugle» de Théophile Gautier – «Слепой» в пер. Н.Гумилёва, «Les esclaves gaulois» de P-J. de Béranger – «Галльские рабы» в пер. И. и А. Тхоржевских, «Ophélie» d' Arthur Rimbaud – «Офелия» в пер. М.Кудинова, R-F.Sully Prudhomme «Joies sans causes» – «Радости без причины» в пер. С.Андреевского, G.Brassens «Les lilas» – «Сирень» в пер. П.Зоркого, «Les mains de Jeanne-Marie» d' Arthur Rimbaud – «Руки Жанн-Мари» в пер. М.Кудинова.

В эксперименте приняли участие ученики выпускных классов гуманитарной направленности и студенты филологических факультетов Ульяновского государственного и Ульяновского педагогического университетов – 142 человека, а также учителя средней школы №72 и преподаватели кафедры лингвистики и международного сотрудничества УлГУ в количестве 8 человек.

Инструкция звучала таким образом: «Пожалуйста, прочитайте внимательно отрывки из стихотворных произведений и укажите, какой из двух фрагментов в каждой паре, на ваш взгляд, более выразителен».

Формулировка «более выразителен» представляется достаточно нейтральной и приемлемой, поскольку она не указывает напрямую на функции анафонии и, как следствие, не ведёт к ожидаемому ответу.

В первой части задания респондентам предлагалось три пары отрывков из стихотворных текстов на французском языке; во второй части – переводные варианты этих же отрывков. Один из отрывков в каждой паре четверостиший отличался ярко выраженной анафонией. Причём, для эксперимента были подобраны такие тексты, где один или несколько звуков опорного слова превышали среднюю частотность не только в пределах строки (то есть на уровне языковых единиц), но и в пределах текста как во французском, так и в русскоязычном варианте.

Проведённый анализ экспериментальных данных показал, что 76,2% (343 из 450) положительных ответов получили отрывки на французском языке, построенные по принципу анафонии. Таким образом, положительную реакцию опрошенных вызвало лишь 23,8% текстов без анафонических структур. Что касается текстов на русском языке, то были получены следующие цифры: 72,6% текстов с анафоническими структурами и 27,4% отрывков из стихотворных произведений без ярко выраженной анафонии получили положительные оценки реципиентов. Для того чтобы ответить на

вопрос, существенно ли различие в оценках опрошенных, был использован критерий «хи-квадрат».

На основании полученных результатов вполне достоверно выглядит вывод о том, что на русском языке, как и на французском, тексты, построенные по принципу анафонии, воспринимаются как более выразительные, по сравнению с текстами, не содержащими анафонических феноменов.

В **Заключении** работы приводятся выводы, следующие из проведённого исследования. Исследование подтвердило выдвинутые на защиту положения. Так, анализ конкретного речевого материала, включающего анафонические структуры в стихотворных текстах, подтвердил, что анафония представляет собой одну из характерных черт звуковой организации стихотворной речи. Данное фоносемантическое явление обнаруживается и на уровне языковых единиц, и на уровне текста, и на уровне языка как системы подсистем. При этом в качестве основных предпосылок текстовой анафонии выступают анафония на уровне языковых единиц и ключевой элемент стихотворного текста.

Наиболее частым использованием анафонических структур является анафония в узком смысле этого слова. Анаграммы же представляют собой предельную форму проявления анафонии, поэтому встречаются крайне редко.

Проведённое исследование подтвердило предположение о том, что тексты, содержащие анафонические феномены, обладают бóльшим прагматическим потенциалом в сравнении с произведениями, для которых не свойственна анафоническая организация. При переводе анафонические структуры, как правило, сохраняются.

Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях.

**Статьи в рецензируемых научных изданиях,**
**включенных в реестр ВАК МОиН РФ**

1. Голимбиовская Е.С. Анафония текстового характера во франкоязычной поэзии /Е.С.Голимбиовская// Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – СПб*:* Изд-во ЛГУ*,* 2012. – №1.Том 1. – С. 220-228.

2. Голимбиовская Е.С. Анафония на трёх уровнях лингвистического исследования /Е.С.Голимбиовская// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2012. – №2 (66). – С. 22-25.

3. Голимбиовская Е.С. О трёх видах анафонии во французской поэзии /Е.С.Голимбиовская// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2012. – №1 (21). – С. 108-114.

4. Голимбиовская Е.С. О возможности сохранения анафонии при переводе франкоязычной поэзии на русский язык /Е.С.Голимбиовская// Гуманитарный вектор.– Чита: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2012. –№ 4 (32). – С. 108-114.

**Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов на конференциях**

5. Голимбиовская Е.С. Эмоционально-экспрессивная эквивалентность перевода анафонии поэтического текста /Е.С.Голимбиовская// Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Лингвокраеведение: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов (Ульяновск, февраль 2009 г./ Отв.ред. Н.Ф.Муртазина. – г.Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2009. – С. 274-277.

6. Голимбиовская Е.С. Ключевой элемент как условие существования анафонии на уровне текста /Е.С.Голимбиовская// Язык. Культура. Коммуникация: Материалы V Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Ульяновск, март 2011 г./ Отв. ред. проф. С.А.Борисова. – г.Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2011. – С. 50-57.

7. Голимбиовская Е.С. Об анаграммах и анафонии во франкоязычной поэзии /Е.С.Голимбиовская// Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XI Международной научной конференции (Ульяновск, 11-14 мая 2011 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2011. – С. 167-170.

8. Голимбиовская Е.С. Восприятие анафонических феноменов в оригинальном и переводном текстах /Е.С.Голимбиовская// Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XII Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2012 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2012. – С. 84-87.

9. Голимбиовская Е.С. Прагматический потенциал анафонических структур в поэтическом тексте (на материале психолингвистического эксперимента) /Е.С.Голимбиовская// Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XII Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2012 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2012. – С. 97-101.

10. Голимбиовская Е.С. О необходимости сохранения анафонии при переводе поэтического текста /Е.С.Голимбиовская// Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (Москва, 26-29 июня 2013 г.). М.: РУДН; Ин-т языкознания РАН, 2013. – С. 260-261.

Подписано в печать 24.04.2014. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 1,16. Заказ 547.
ИПК «Венец» УлГТУ. 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32.